

**АЛЕКСЕЙ
ЕФИМОВ**

**ДИСТОПИЯ
М.**

Серия «10 ЖИЗНЕЙ. ШОК-ИСТОРИИ» #7

10 жизней. Шок-истории

Алексей Ефимов

Дистопия М.

«Издательские решения»

Ефимов А.

Дистопия М. / А. Ефимов — «Издательские решения», — (10
жизней. Шок-истории)

ISBN 978-5-44-833983-7

Перед вами десять жизней, десять невероятных историй, которые можно читать вместе и по отдельности. История седьмая. «Дистопия М.». Новелла-антиутопия о городе М., в котором живет Е. Это мир Кафки и Оруэлла, где есть смысл в бессмысленности. Здесь ко всему привыкают. Здесь нельзя выделяться. Здесь главное место — Приемная, полная странных служащих. Е. знает — ничего не изменится. Но вот он встречает Карла. Карл живет на свалке, нарушает законы и мечтает о революции...

ISBN 978-5-44-833983-7

© Ефимов А.
© Издательские решения

Дистопия М.

Серия «10 жизней. Шок-истории» #7

Алексей Ефимов

© Алексей Ефимов, 2016

© Алексей Ефимов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3983-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Е. перевел взгляд на группу людей слева.

Шестеро.

Он знает, кто это. Тени в черных плащах до пят – уверенные, что никто не встанет у них на пути. Они у рва, у самого края, спиной к Е., и у одного из них длинные седые волосы. Это М. Что чувствует М.? Сожаление? Равнодушие? Облегчение? Видел ли он родителей Е.? Видел ли Мишу? М. смотрит на дом, а не в их сторону, их для него нет.

Е. двинулся к М. Ускоряя шаг, он прикидывал, успеет ли сбросить М. в ров, прежде чем люди М. сделают это с ним.

До М. двадцать метров.

Десять.

Пять.

Три.

Два...»

24 часа назад.

Е. лежал на диване и смотрел в потолок. Крашенный известью тридцать лет назад, тот облупился и посерел, и густо зарос грибом в темных сырых углах. Е. помнил, как его красили, мама и папа, красивые, ловкие, молодые. Они делали ремонт круглыми сутками, смеясь и подшучивая друг над другом, пока не валились с ног и не засыпали, по-детски улыбаясь во сне. Е. ложился рядом, обнимал мать и прижимался к ней худеньким тельцем, чтобы было теплей. Даже в самую темную ночь Е. чувствовал себя в безопасности. Днем Е. играл в комнате. Потолок был выше, здесь было светлей. Все дело в окнах и в потолке. От прежних двух окон осталось одно – такое пыльное, что с трудом пропускает свет и сквозь него ничего не видно – может, и к лучшему. Что там, снаружи? Их трехэтажный дом с дырами в черепичной крыше вот-вот снесут – никто не знает, когда, но точно снесут – а вокруг выросли многоэтажки, крепким плотным кольцом. Е. редко выходит на улицу – дважды в неделю, ночью – а пять дней сидит дома, в комнате с пыльным окном. Под дверь ставят еду три раза в день – может быть, мать – но в комнату не заходят, здесь его территория, Е. никого сюда не выпускает и дверь запирает на ключ. Здесь мебель из темного дерева, пыльного и вонючего: платяной шкаф, книжный шкаф, стол, шесть стульев, комод, какая-то тумба – Е. не пользуется ничем и внутрь не заглядывает. Е. все равно, что там: детские фото или альбом с марками, или гербарий, собранный в школе, или вещи родителей – в общем, отходы прошлого, в которых Е. не копается. Незачем. Бессмысленно, скучно, тревожно. Откуда взялась тревога, маленькая и противная? Черт ее знает. Е все равно. Он лежит на диване, ему лень думать. Он привык ни о чем не думать, а раньше читал книги, мучил мозг глупыми мыслями и даже писал стихи.

Е. не любит вставать – на полу нет живого места, всегда на что-то наступишь. Одежда, объедки, тарелки, осколки, сдувшийся шарик, елочная гирлянда, нож с зазубренным лезвием,

желтые листы рукописи, игрушечный дисковый телефон, которым играл в детстве, фото матери и отца в молодости, аптечка с просроченными лекарствами, сотни других вещей – от стены до стены, от дивана и до двери. На стенах висят зеркала, маленькие и большие, тоже под слоем пыли, но Е. не смотрит в них. Они искажают действительность: то расплющивают его, то сужают, то кладут набок. Королевство кривых зеркал. Е. выбросил бы их, если б не было лень.

Туалета здесь нет – есть ведро. Е. справляет в него нужду и выставляет за дверь, а мать несет в туалет. Может, не мать. Может, отец. Или дед – когда-то профессор, а ныне сгорбленный маразматик. Там, за дверью, своя жизнь, из года в год неизменная. Они верят в ложь, дурача самих себя. Где их любовь? Е. видел ее в детстве, он знает, как она выглядит, как она пахнет, ему есть с чем сравнить. Сквозь щели вокруг двери Е. чувствует запах быта, затхлый, невыносимый. Е. становится дурно, его рвет в ведро. Как они дышат? Чем? Как в этом живут, день за днем, год за годом? В редкие дни пахнет сносно – когда к ним приходит Миша, сын младшей сестры. Мише два с половиной года. Он единственный, кого Е. впускает в комнату. Мише тут нравится, он проводит здесь по полдня, но ему запрещают, запугивая и обманывая. Он не слушает их. Закатывая истерику, он бьется о дверь головой, до шишек и синяков, час бьется, два, и просится внутрь. Что они могут сделать? Они ему разрешают. Сценарий всегда один, им Мишу не жалко.

Миша входит и улыбается, трет заплаканные глаза и выглядит виноватым. Он обречен. Они испортят его, сделают из него себя, отравят ядом, научат жить правильно, по шаблону – дверь закроется для него, и он не захочет войти.

«Пливет, – говорит он. – Можно я поиграю?» – Он улыбается робко, ждет разрешения – в нем есть уже червоточинка, маленький детский комплекс, который растет вместе с ним. Он знает – играть можно, но каждый раз спрашивает и ждет. Не дождавшись, начинает играть. Присаживаясь на корточки, он копается в мусоре, в сотне старых вещей, разглядывает, перебирает, что-то лопочет по-своему – и делает это часами. Он весь покрывается пылью, руки чернеют, но это его не волнует, он чист внутри, с маленькой червоточинкой, которую не отмыть. Он играет один. Он должен играть один. Он смотрит в зеркало и видит себя как есть, без искажений. Он улыбается.

За дверью сходят с ума. Наваливаясь на дверь, они слушают, нюхают, шепчутся, а через час начинают кричать. Кричат они громко, зовут Мишу, даже пинают дверь, так что сыплется штукатурка, но он не уходит. Он молчит, не отвечает, и это заводит их. Е. знает, что будет дальше. Скоро они выдохнутся, сядут на пол и станут его уговаривать, сулить сладости, мультики и игрушки, с гадкой сиропной фальшью. Бесполезно. Тогда снова начнут кричать. Будут кричать до тех пор, пока Миша не выйдет. Когда он уходит, он всегда плачет. Он не хочет туда. Он хочет остаться с Е., но должен вернуться к ним. Там его выпорют, тапком или ремнем – что попадет под руку – а сладости не дадут. Это их подлый трюк, к которому он готов. Он знает – конфет не будет, поэтому и не просит. Взрослым нельзя верить, взрослые лгут – все, кроме Е.

Выпоров Мишу, тащат его в ванну, трут хозяйственным мылом, моют шампунем от вшей. Он должен быть чистым для них, пахнуть как пахнут они, стать в конце концов ими. Е. тоже получит свое: его оставят без ужина в отместку за Мишу. Е. все равно, плевать он хотел на ужин. Странно, что его до сих пор кормят, пусть и хуже, чем раньше: порции – меньше, суп – жиже, хлеб с плесенью, чай пятой заварки. Могли бы и не кормить. Это совесть их мучает, не могут с ней справиться: Е. отдает им все заработанное – подсовывая деньги под дверь – и не спрашивает отчета. Не от доверия, нет – от безразличия. Е. не нужны деньги, ему не на что их тратить. Еда, крыша над головой, поношенная одежда – то ли отца, то ли из секунд-хенда – все у него есть, большего он не хочет.

Е. работает дважды в неделю, в ночь с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье. Ночь его время: когда все засыпают, он открывает дверь и быстро выходит из комнаты, зажав пальцами нос, чтобы не чувствовать запах. Он хорошо знает дом, где родился и вырос, и может двигаться ошупью, стремительно и бесшумно, не задевая мебель и ноги спящих. Они вытягивают ноги в проход, надеясь, что Е. их заденет и неминуемо разбудит – тогда они включают свет и увидят его – но он не задевает. Он не видел их год, как и они – его. Каждый раз они крепятся, ждут, шепчутся в темноте до полуночи, строя свои планы, но в конце концов засыпают, так и не дождавшись его. Ночь не их время. Они боятся ее. Тьма наполнена мыслями о несбывшемся, запахом близкой смерти, ужасом умирания – они шепчутся и боятся, но лишь наступает полночь – миг засыпают. Когда Е. приходит под утро, они еще спят, крепко и сладко, и вновь не видят его.

Е. любит ночь. Ночью на улице тихо, нет толпищ людей с глупыми лицами, тысяч машин с выхлопами, а фонари и луна не спят как солнце. В черно-белом ночном мире без красок и глянца больше правды, чем в яркой обертке дня, ночь обостряет инстинкты, сбрасывает шелуху, одних пугает, других успокаивает.

Спускаясь вниз по ступеням, с третьего на первый этаж, Е. их считает. В детстве было семьдесят две, в прошлом году – сорок семь, сейчас – сорок три. Принимая это как факт, Е. не думает о причинах, не хочет думать о них, есть, наверное, что-то, о чем лучше не знать. Мысль плавно съезжает в сторону. Так всякий раз, когда Е. спускается.

Е. вышел на улицу и чуть не упал в ров.

За пять дней дом обнесли рвом глубиной в несколько метров.

На дне черная жижа, края осыпаются, куски разрушенного асфальта падают вниз и тонут с влажным причмокиванием.

Е. не удивился. Он ждал чего-то такого, подлости от братьев О. Братья строят высотки на месте старого города, снесенного за одну ночь. Снесли, вывезли мусор на свалку и стали рыть котлованы, вбивать бетонные сваи, строить с невиданной скоростью сразу двенадцать домов. За месяц – двадцать три этажа, и стройка не останавливается, идет круглые сутки. Снесли все, сотню домов – кое-где вместе с жителями, и лишь один дом не тронули – дом Е. Его взяли в кольцо, а теперь обнесли рвом. У братьев нет разрешения. Подумать только – у главных людей в городе, близких к М., нет бумажки на снос ветхого дома с дырами в крыше, а все потому, что сто лет назад здесь жил поэт, чьи стихи нравятся М. Поэт жил в комнате, где живет Е., пил до белой горячки и писал стихи о любви. В двадцать семь он повесился, а может, ему помогли – те, кому он мешал, как это водится у поэтов. Следующие семьдесят лет его запрещали, а М. разрешил: М. любит искусство, так о нем говорят, а так оно или нет, никто точно не знает. Может, и братья не знают, хоть и близки к М. Нетрудно представить, как они злы. Впервые за много лет им кто-то мешал, какой-то мертвый поэт, которого сами бы вздернули, будь такая возможность – жаль, что он уже мертв.

Дом поэта и Е. – в центре круга, на месте дома тринадцать по замыслу братьев О. Они получают свое, можно не сомневаться. Снос последнего дома – мелкий вопрос, поэтому Е. удивлен, что дом еще цел, хоть и окопан рвом. Что-то пошло не так. М. все разрешает братьям, на все закрывает глаза, а тут какая-то мелочь, вопрос одной подписи или легкого кивка головой. Если бы М. хотел, он сделал бы тут музей, отреставрировал дом, воздал по заслугам поэту – но за минувшие тридцать лет дом ни разу не ремонтировали, никто не пришел от М., а самовольный ремонт был строго-настроено запрещен. Культурная ценность. Дыры в крыше, плесень в углах, сыплющаяся на голову штукатурка – люди ко всему привыкают, привыкли и к этому, выбора у них не было.

Е. обошел дом по кругу. Ров то сужается, то расширяется, от полутора метров до трех – страшная черная пасть ждет свою жертву, чтобы съесть ее, утопить в черной жиже, засыпать землей и асфальтом.

Е. подошел к краю рва у самого узкого места. Был бы Е. помоложе, поздоровей, прыгнул бы не разбегаясь, но он не молод и не здоров и не знает, сможет ли перепрыгнуть с разбегу. Он ослаб. Он ходит медленно и с одышкой, а ноги болят, стоит немного пройти. Он вынужден останавливаться и отдыхать. Боль появилась недавно, месяц назад, покалывание, которое он мог игнорировать, но с тех пор стало хуже. Боль мешает ходить. Она мешает работать. Чтобы успеть на смену, Е. рано выходит из дома, но все равно опаздывает, поэтому ему снижают зарплату, без разговоров. Е. все знает, все понимает. Он не сказал им о боли, чтоб не дать повод избавиться от него, но однажды они узнают и уволят его, что давно хотят сделать. В очереди сто кандидатов, готовых работать шесть смен в неделю за меньшие деньги, они ждут не дождутся, когда он умрет, ляжет или исчезнет – как многие здесь исчезают, в городе М. Люди в очереди не злы, нет, просто работы нет, а все хотят есть. Голодного нельзя обвинять в том, что человеческое в нем отмирает.

Е. опаздывает. Выбора у него нет.

Отступив назад и прижавшись спиной к замшелой стене дома, он набрал в легкие воздуха, выдохнул и побежал.

Рывок, толчок, прыжок – Е. на другой стороне. Не сумев сохранить равновесие, он упал на асфальт и разбил в кровь колени, но это мелочи. Главное, перепрыгнул.

Поднявшись на ноги и обернувшись, Е. посмотрел на дом. Жалкое зрелище. Е. понимает тех, кто хочет его снести. Скоро он сам развалится. Дряхлый, косою, врос в асфальт по окна первого этажа. Жители этого этажа, с которыми он не знаком, выходят на улицу через окна и так же заходят назад, им так удобней. Утром всех ждет сюрприз от братьев О. – хотел бы он видеть их лица, растерянные и испуганные, а, впрочем, нет – предсказуемое неинтересно. Кто-то умрет с голоду, кого-то сожрет ров, другие же выживут, приспособившись. Человек ко всему приспосабливается, а если нет, то – погибает.

Надо спешить.

Прихрамывая, Е. двинулся в путь. В плотном кольце высоток есть узкий проход, заваленный стройматериалами: бетонными плитами, сваями, кирпичами – единственный путь вовне. Странная планировка, но Е. не удивлен, он ко всему привык в городе, многое повидал. Здесь не следует спрашивать и удивляться, здесь просто живут, принимая как есть то что видят, слышат и чувствуют. Иначе не выживешь. Не сможешь жить в городе М., сгоришь в себе или медленно растворишься в желчи, бессильный что-либо изменить. Или просто исчезнешь. Е. до сих пор жив. Ему все равно, что происходит с ним и что творится вокруг. Раньше было не все равно, Е. многое принимал близко к сердцу – и чуть не залез в петлю как тот бедный поэт.

Е. у самых высоток.

Громадины обрушиваются на него, придавливают к земле, смыкаются перед ним черной сплошной стеной – путь, заваленный стройматериалами, кажется непроходимым. Ноги начинают болеть на несколько метров раньше, чем несколько дней назад. Е. останавливается. Задрав голову, смотрит вверх. Внизу тихо, ни огонька, полночь, а там кипит жизнь: огни, краны, тысячи муравьев в касках – но звуки еле слышны, громкие звуки стройки, к которым привык Е., когда они были ближе. Быстро, кстати, привык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.